

Священник перелистывал Библию.

— Я знал, что здесь что-то нечисто! Я пришёл сегодня только ради того, чтобы посмотреть на этот цирк!

— Ты, пёс поганый!

Священник благоговейно молился.

— Предупреждаю, не подходи! Если рискнёшь, я и женщину ударить могу!

— Ах ты, ублюдок!

— Чёрт возьми!

Священник начал читать отрывок из Библии, предназначенный для свадебной церемонии.

— Си Ма, продолжай меня оскорблять! Давай, продолжай!

— У-у-у-у... у-у-у-у...

На мгновение в зале церкви воцарился хаос. Только священник оставался спокойным среди всеобщей суматохи.

Но дело было не в том, что толпа его игнорировала — это он изолировал себя от толпы.

Закончив читать обеты, священник захлопнул Библию.

Громкий хлопок! Книга захлопнулась с таким звуком, словно ударили кирпичом.

Этот звук сработал как выключатель: шумный зал постепенно погрузился в тишину.

После молитв и обрядов священника наступило время выхода жениха и невесты.

Несметное количество глаз было устремлено на изысканно вырезанную дверь с изображением ангела любви. Пока группа Ли Ханьяна нервно сглатывала в предчувствии, остальные в зале сидели с лицами жадных зрителей, предвкушая зрелище.

Четверо распорядителей с усилием тянули массивные двери, их движения были неуклюжими и медленными.

Снаружи Фу Синъюнь наблюдал, как дверь медленно раскрывалась, начиная с узкой щели.

На свадебной церемонии явно не хватало одного из ключевых участников — и он прекрасно понимал, что это только усилит неловкость и позор происходящего.

То, что его ждало впереди, — это неминуемое унижение, насмешки, язвительность и осуждение. И всё же, несмотря на это, лицо его оставалось бесстрастным, брови не дрогнули, а на чертах лица не промелькнуло и тени эмоции.

Его вид выражал полное равнодушие, но в тёмной глубине глаз бурлили скрытые водовороты.

— Жених и невеста выходят! — разнёсся голос церемониймейстера, эхом отразившись от всё шире раскрывающихся дверей.

Фу Синъюнь слегка подался вперёд, положив руки на холодные колёса инвалидного кресла.

В следующее мгновение кресло медленно начало двигаться вперёд.

Фу Синъюнь: Что?..

Мужчина почувствовал что-то неладное. Его руки лежали на колёсах без всякого усилия, а кресло двигалось само по себе.

Вскоре Фу Синъюнь заметил, как над ним возникает тень, а вместе с ней послышалось тяжёлое, неровное дыхание.

Он поднял взгляд.

И там стоял Линь Цюн, совершенно обессиленный.

Фу Синъюнь: ...

Тяжёлое дыхание Линь Цюна доносило до него запах свежего пота после напряжённого бега. Фу Синъюнь ощущал исходящее от него тепло — не резкий дух пота, а едва уловимый цветочный аромат.

Когда Линь Цюн опустил взгляд и встретился с тёмными, непостижимыми глазами Фу Синъюня, его тело, покрытое потом и до этого раскалённое, вдруг охватила ледяная дрожь.

Фу Синъюнь внимательно изучал его. Он с самого начала прекрасно знал, что за человек Линь Цюн. Побег в день свадьбы несколько его не удивил. Настоящим потрясением стало то, что Линь Цюн вернулся сам.

Взгляд Фу Синъюня помрачнел. Он не мог сказать, что рад или что испытывает хоть какие-то чувства из-за возвращения второго главного участника свадьбы. Его возвращение оставляло лишь одну большую загадку: каковы мотивы Линь Цюна?

Под мёртвым, холодным взглядом злодея Линь Цюн почувствовал себя полностью парализованным, словно пригвождённым к месту.

Он взглянул на Фу Синъюня и почесал затылок.

— Эм... прости, что опоздал.

А потом вдруг глуповато улыбнулся:

— Первая свадьба, опыта нет. В следующий раз постараюсь лучше.

— ...

— Ты ведь сбежал с собственной свадьбы? — спросил Фу Синъюнь.

Эти слова заставили улыбку Линь Цюна моментально застынуть. Его выдержка дала трещину.

— Чепуха! — Линь Цюн изо всех сил попытался вернуть себе спокойствие. — Как я мог тебя бросить, когда так сильно люблю? Я не позволю тебе так чернить нашу любовь.

С этими словами он сунул в руки Фу Синъюня пучок полевых цветов, которые всё это время сжимал, и промямлил жалкое оправдание:

— Я ходил собирать тебе букет.

Фу Синъюнь уставился на горсть полевых цветов в своих руках, а затем медленно перевёл взгляд на Линь Цюна.

И тут Линь Цюна внезапно осенило:

— Раз уж у других на свадьбах это есть, пусть и у нас будет!

Фу Синъюнь:

— ...

Поскольку молодожёны всё ещё не вошли, церемониймейстер снова повторил объявление:

— Молодожёны, выходите.

Линь Цюн, тяжело дыша, выкрикнул:

— Идём!

Голос его был почти неразличим, все силы он уже истратил ранее, распевая национальное достояние. Он даже подумал: слышит ли церемониймейстер этот слабый отклик? Знал бы, говорил бы меньше...

Линь Цюн надул свою маленькую грудь, и цветок, приколотый к карману его смокинга, тоже гордо задрался вверх, пока он толкал вперёд Фу Синъюня с героическим и уверенным видом.

Одна секунда... две секунды... десять секунд...

Он взглянул на расстояние между креслом и его прежним положением. Оно изменилось всего на полметра.

— ...

— Я могу катить сам, — сказал Фу Синъюнь.

— Ни за что!

Фу Синъюнь поднял на него взгляд. Линь Цюн мгновенно превратился в послушного, смиренного ягнёнка:

— В такой радостный день ты просто сиди. Я тебя проведу.

Невысказанное послание витало в воздухе: Позволь мне отвезти тебя туда.

Фу Синъюнь:

— ...

На первый взгляд в этих словах не было ничего странного, но чем больше он о них думал, тем больше в них чувствовалось что-то не то.

Линь Цюн утром пробежал два километра, и теперь его ноги дрожали. Без опоры, которую давало кресло Фу Синъюня, он был бы уверен, что в следующую же секунду рухнет к ногам жениха.

Как такое можно допустить?!

Какой позор!

В зале молчание из-за отсутствия молодожёнов постепенно начало рушиться, уступая место нарастающему шёпоту.

— Линь Цюн и правда сбежал!

— Фу Синъюню, наверное, слишком стыдно, и он не хочет выходить.

— Фу Синъюнь, ты идёшь или нет? Если тяжело двигаться, дедушка тебя подвезёт!

На эти слова зал взорвался хохотом.

Без двери между ними люди снаружи, разумеется, прекрасно слышали каждое слово.

Брови Линь Цюна слегка нахмурились, и прежде чем он успел подумать, его руки сами собой накрыли уши Фу Синъюня.

— Не слушай их чепуху, — тихо сказал он.

Голос молодого человека доносился сверху и, приглушённый ладонями, звучал глухо.

На какое-то мгновение, словно над их головами вспыхнул святой свет. Линь Цюну почудилось, что он — настоящий спаситель. Если Фу Синъюнь услышит хоть что-то из этих пересудов, он потом точно раздавит их всех, как бобы в пасте.

Священник постучал по кафедре. Когда болтовня в зале немного поутихла, а в ногах Линь Цюна почти вернулись силы, он снова начал толкать Фу Синъюня в сторону зала церемонии.

— Нет, я больше не могу на это смотреть! — воскликнула Цзи Яо, закрывая глаза ладонями. — Если Синъюнь выйдет один, просто скажи мне. Я отвернусь.

Она не могла вынести зрелища унижения Фу Синъюня — так же, как не могла вынести жизнь рядом с мужчиной.

— Чёрт! Что там происходит?!

— Кто это у двери?!

Восклицания и ахи из окружавшей толпы непрерывным потоком достигали ушей Цзи Яо. Закрыв глаза, она всё равно не могла подавить своё любопытство.

Протянув мизинец, она ткнула Ли Ханьяна:

— Почему ты меня до сих пор не позвал?

Ли Ханьян ответил:

— Фу Синъюнь вышел не один, так что как я тебя позову?

— ??

Цзи Яо: — Он что, наполовину один?

Ли Ханьян: — ...

Цзи Яо резко подняла голову и посмотрела к входу. Там, медленно, как две улитки, продвигались две фигуры по красной дорожке церемониального зала.

Фу Синъюнь сидел в инвалидном кресле, не теряя невозмутимости, с абсолютно бесстрастным лицом, держа в руках пёстрый букет — непонятно откуда взявшийся.

А позади него, толкая кресло, шёл никто иной, как Линь Цюн — тот самый, про которого только что ходили слухи, что он сбежал с собственной свадьбы.

Что происходит?

Разве Линь Цюн не сбежал?!

Этот вопрос эхом звучал в умах множества людей, но появление Линь Цюна стало для них пощёчиной — резкой, звонкой, ощутимой.

Они двигались вперёд медленно, нарочито или нет, — но каждый их шаг словно говорил: Смотрите во все глаза, глупцы! Ваш господин прибыл!

Линь Цюн, впрочем, и не собирался идти нарочно медленно — просто его ноги действительно подкашивались, и быстрее он идти уже не мог.

Быстрый взгляд вокруг показал хаос, царивший в зале. Казалось, здесь случилась какая-то третья мировая война, ломавшая все социальные нормы.

Гости на свадьбе Фу Синъюня, разумеется, были людьми известными. Казалось бы, такие солидные люди должны быть одеты с иголки. Но что же открывалось глазу?

У одного галстук съехал набок, у другого расстёгнута пуговица.

Неподалёку слева валялась чья-то одинокая туфля.

— ...

Линь Цюн: Я не понимаю этот мир богачей...

Когда они вошли, гул в зале стих. Спустя долгие десять минут, Линь Цюн наконец дотолкал Фу Синъюня до священника.

Они оба твёрдо заняли свои места: каждый по одну сторону. Без опоры инвалидного кресла ноги Линь Цюна начали слегка подрагивать.

Священник протянул им лист бумаги, сверкавший золотой пылью. На нём были написаны свадебные обеты.

Фу Синъюнь опустил взгляд и пробежал глазами слова: Доверие... Верность... Равенство...

Со стороны донёлся шорох одежды. Подняв глаза, Фу Синъюнь увидел, что Линь Цюнь — ещё мгновение назад стоявший прямо — теперь наклонился и оказался с ним на одном уровне, глядя ему прямо в глаза.

Пальцы Фу Синъюня, державшие лист с обетами, слегка сжались.

Заметив взгляд с другой стороны, Линь Цюнь изобразил застенчивую улыбку.

Фу Синъюнь: «...» — молча отвёл глаза.

Линь Цюнь наклонился вперёд как раз в тот момент, когда его ноги — словно страдавшие болезнью Паркинсона — начали предательски дрожать, грозя выдать его с головой посреди этой свадьбы на смерть.

В конце концов, потерять лицо — это одно, а вот потерять жизнь...

К тому же, имея за плечами опыт в театре, Линь Цюнь умел держаться. С профессиональным хладнокровием он сохранял влюблённый взгляд, глядя на своего «партнёра» и старательно создавая видимость, что всё это — честно и красиво, чтобы не опозорить Фу Синъюня на церемонии.

После того как оба по очереди произнесли свои обеты, священник с кольцами медленно подошёл к ним.

Он задал стандартный вопрос о согласии вступить в брак.

Фу Синъюнь холодным голосом произнёс:

— Я согласен.

Линь Цюнь сперва замялся.

Но, увидев кольцо с бриллиантом размером с голубиное яйцо, он резко втянул воздух.

— Я согласен!

Свадьба завершилась без особых инцидентов, гораздо более гладко, чем ожидал Фу Синъюнь.

Глядя на Линь Цюня, который глупо улыбался кольцу на пальце, Фу Синъюнь прищурился, с лёгким оттенком насмешки.

Это было действительно неожиданное событие — что всё пройдёт настолько спокойно.

Ли Ханьян и Цзи Яо одновременно выдохнули с облегчением, плечи их расслабились.

— Не думала, что Линь Цюнь всё-таки вернётся, — пробормотала Цзи Яо, поправляя растрёпанные волосы, которые недавно кто-то дёрнул, сорвав заколку во время недавнего хаоса. Её взгляд скользнул к молодожёнам, чьи широкие улыбки озаряли сцену, как весенние цветы. Девушка прижала губы, и в голове вдруг мелькнула мысль: — Может, Линь Цюнь вообще не убегал с самого начала?

Ли Ханьян бросил на неё косой взгляд.

— Разве тогда Линь Цюнь не говорил, что любит Синъюня? — продолжила Цзи Яо.

Брови Ли Ханьяна дёрнулись так резко, что он резко повернулся к ней, будто подозревая, что она находится под действием какого-то чёрного колдовства.

— Ты что, бредишь? Ты всерьёз поверила в слова Линь Цюна? Разве он раньше не издевался над Синьюнем за его инвалидность?

— Но потом же он сказал, что ему всё равно?

— Потому что просто не хотел, чтобы его избили.

— ...Тогда почему он сейчас так сияет? — возразила Цзи Яо.

Ли Ханьян проследил за её взглядом. Там, рядом с Фу Синьюнем, стоял Линь Цюн — его улыбка была ослепительной, словно полностью распустившийся подсолнух.

В этой «вынужденной» свадьбе не было и намёка на принуждение — даже наоборот, казалось, он слишком уж рад этому событию.

Неужели тот идиот, что раньше сбежал, — это был не он?..

Линь Цюн, разумеется, ничего не знал о всех этих сторонних догадках.

Голубиное яичко, я тебя обожаю~

Примечание автора:

Интервью:

— Что заставило вас без колебаний выйти за него замуж?

Линь Цюн, закрывая лицо рукой с кольцом, размером с голубиное яйцо:

— Они слишком много предложили.

<http://bllate.org/book/12640/1121089>